УДК 314.7(09)(08)

ВАЩУК Ангелина Сергеевна,
доктор исторических наук, профессор, зав. отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, Владивосток, Россия
va_lina@mail.ru

VASHCHUK Angelina Sergeievna,
Ph.D. in History, Professor, Head of Department of Social & Political Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, RAS. Vladivostok, Russia
va_lina@mail.ru

ЧЕРНОЛУЦКАЯ Елена Николаевна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, Владивосток, Россия
chvalery@mail.ru

Chernolutskaia Elena Nikolaievna
Ph.D. in History, leading researcher, Division of Social & Political Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch, RAS. Vladivostok, Russia
chvalery@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ И «ВЛАСТИ ТЕРМИНОВ» В НАУКЕ: ОТКЛИК НА СТАТЬЮ Н.Ф. БУГАЯ

SOME ASPECTS OF STUDIES IN FORCED DISPLACENEBT AND THE "POWER OF TERMS" IN RESEARCH: A RESPONSE TO THE PAPER BY N.F. BUGAY

Статья является откликом на работу Н.Ф. Бугая и носит дискуссионный характер. Обсуждены проблемы историографии принудительных миграций. Сделан вывод о важности анализа конструктивных процессов в истории репрессированных народов и формирования их жизненных стратегий после депортаций. Предложен свой взгляд по вопросу о переосмыслении понятийного аппарата, обращено внимание на перспективность изучения «пространства политической терминологии» на базе проблемы принудительных миграций.

The paper presented a response to the study written by N.F. Bugay while being debatable in its nature. Issues of history studies in the forced displacement of people have been talked over. An inference has been made on relevance of exploring constructive trends in the history of repressed ethnic communities having reshaped their life strategies once deportation had been executed. A specific view on reconsidering the set of concepts has been offered, and attention being focused on availability of examining «the political terms' space» while considering an issue of the forced displacement.

***Ключевые слова*: историография, терминология, принудительные миграции, этнические общности, СССР.**

***Key words:* history studies, set of terms, forced displacement, ethnic communities, USSR.**

В №1 (2014) журнала «Историческая и образовательная мысль» опубликована статья доктора исторических наук, профессора Н.Ф. Бугая [1]. Николай Федорович – известный и авторитетный в мировой науке специалист в области истории принудительных миграций в СССР. Он стоял у истоков этого научного направления и до сих пор своими исследованиями способствует его дальнейшему продвижению. В каждой его публикации поставленная проблема проходит не только «сквозь интеллект», но и «сквозь душу» ученого. Его новая статья, приуроченная к 150-й годовщине добровольного переселения корейцев в Россию, посвящена анализу новейшей литературы по принудительной миграции корейцев 1937 г. и её роли в дальнейшей судьбе этой этнической общности. Автор поставил основные проблемы в теоретическом плане, провел сравнительный поэтапный обзор развития направления. Известно, что работу можно назвать удачной и актуальной, если она вызывает интерес у специалистов не только с целью пополнения информационных и теоретических знаний, но главное, если ее автору удается пригласить научное сообщество к дискуссии. Именно такой является очередная публикация Н.В. Бугая, в которой он своей энергетикой неравнодушия «провоцирует» (в хорошем смысле) к полемике о состоянии нынешнего этапа исторических исследований по проблемам принудительных миграций. Откликаясь на это, мы поставили задачей выразить свое мнение по ряду тем, поднятых в указанной статье.

Прежде всего, отметим своевременность историографического анализа, предпринятого автором, который акцентирует внимание не только на достоинствах современного этапа изучения принудительных миграций этнических общностей в СССР, но и на его проблемах и «болевых точках». Этот анализ показывает, что в появившихся за последние годы работах просматриваются две аспектные линии. Одна из них является продолжением традиции, которая связана с изучением самих переселенческих кампаний, их причин и предпосылок, общего исторического контекста, включающего эволюцию двух направлений внутренней государственной политики – национальной и репрессивной (работы Б.Д. Пака, Н.Ф. Бугая, Т.М. Мухортовой, А.В. Марчукова, В.Г. Цоя и др.). Н.Ф. Бугай убедительно охарактеризовал достижения этого направления, явившиеся плодотворным результатом многолетнего источникового поиска (со времен «архивной революции»), постановки новых задач, изменения ракурсов. Вместе с тем он говорит и о некоторых «тупиковых» темах, например, совершенно справедливо отметил надуманный и

противоречащий всякому здравому смыслу характер темы «покаяния», под которой понимается главным образом покаяние русского народа перед подвергшимися репрессиям народами. Согласны с Н.Ф. Бугаем, что ее появление в современных исследованиях (Х.-М.А. Сабанчиев, А. Алафаев) можно рассматривать как болезненное наследие историографической ситуации конца 1980–1990-х гг., когда на первый план часто выносились эмоциональные переживания коллективной травмы прошлого.

Вторая аспектная линия внутри рассматриваемого направления связана с судьбой переселенных народов после их депортации (обустройство, адаптация и интеграция в местный социум, трудовая занятость и т.д.). На наш взгляд, важной составляющей сегодняшнего этапа, на котором акцентирует внимание Н.Ф. Бугай, является анализ не столько деструктивных явлений, связанных с принудительными миграциями, уже достаточно глубоко и всесторонне раскрытых, сколько конструктивных процессов в жизнедеятельности этих народов (конечно, без идеализации): восстановление и дальнейшее укрепление внутренних сил на новом месте расселения, развитие экономических, социальных, культурных процессов, общественной деятельности, вклад в общие достижения страны и принимавших регионов, реабилитация, возвращение на территории исхода и т.д.

В этом плане высвечивается проблема разбросанности необходимых архивных фондов не только по краям и областям Российской Федерации, но и по странам – бывшим союзным республикам, которая выдвигает задачу объединения усилий историков из различных регионов России, а также Казахстана, Узбекистана, Киргизии, других стран СНГ. И такая работа действительно ведется. К сожалению, расширение количества исследований по данной проблематике не всегда способствует поддержанию их качества. Так, многообещающей казалась докторская диссертация Л.Н. Дьяченко, посвященная проблемам адаптации и реабилитации депортированных народов на территории Кыргызстана [2]. Однако знакомство с авторефератом разочаровывает (в чем мы абсолютно поддерживаем оценку Н.Ф. Бугая). По нашему мнению, введенный автором нарративный материл с теоретической точки зрения освоен слабо, широко используется прием констатации известных фактов, сам текст автореферата (а значит, и рукописи, с которой, к сожалению, познакомиться не удалось) нечетко структурирован, что не позволяет говорить о существенном продвижении в разработке автором избранной темы.

И все же достижений на данном поприще значительно больше, чем недостатков. Примером служит историография по корейской этнической общности, которая показывает, что эта линия, ростки которой были положены еще в 1960-е гг. историком Ким Сын Хва [3], все более уверенно набирает обороты. В этом контексте Н.Ф. Бугай анализирует обширный пласт работ, изданных в 2000–2010-е гг. (Д. Шин, Б.Д. Пак, В.В. Цой, Г.А. Югай, Н.Ф. Бугай, Сим Хон Ён и др.). К этому можно добавить и публикации зарубежных авторов, например, интересную статью Д. Чанга и Д. Парка, опирающуюся на «устную историю» (интервью с участниками событий), которая посвящена корейским колхозам-миллионерам и развитию спорта среди корейцев в Узбекистане в 1940–1979 гг. [4].

Для нас как представителей дальневосточной исторической школы очень важна была данная Н.Ф. Бугаем квалифицированная оценка работ, подготовленных сотрудниками Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Творческая группа, изучая этномиграционные процессы на юге Дальнего Востока [5], обратила внимание на неоднозначное отношение органов власти к советским корейцам. Коллега в своей статье справедливо подчеркивает этот историографический факт. Несмотря на то, что корейцы были высланы с Дальнего Востока в конце 1930-х гг. по мотивам политического недоверия, на территориях принудительного вселения руководство страны принимало серьезные меры по формированию социальной базы, способной стать источником для пополнения номенклатурного аппарата из корейской среды. Впоследствии (первая половина 1940-х – начало 1950-х гг.) их привлекли для работы с вербованными рабочими из КНДР на Дальнем Востоке: была создана партийно-управленческая группа из числа советских корейцев, специально для этого возвращенных из Казахстана и республик Средней Азии. Таким образом, для управления иммигрантами использовался известный в истории прием – привлечение этнических сородичей в качестве посредников. И в данном случае вопрос о политическом недоверии не ставился.

Такая двойственность государственной национальной политики отмечается и в некоторых других работах, например, в монографии Ж.Г. Сон [6], но всестороннего освещения эта сторона проблемы еще не получила.

Продолжая историографический анализ Н.Ф. Бугая, добавим также, что, несмотря на активное изучении «корейской темы», в ней еще остаются малоизученные аспекты, среди них – возвращение ранее высланных корейцев, включая их детей, в Приморский край после 1954 г. Такая ситуация связана с тем, что фактически отсутствуют официальные источники, поскольку это явление не было массовым. И только в ходе специального исследования, изучения био-

графий и использования метода глубинного интервью историкам из ИИАЭ ДВО РАН удалось восстановить пока еще не полную картину формирования этой группы населения из лиц, прибывших по разным мотивам в Приморье во второй половине 1950-х – 1960-е гг. Собранные материалы позволили установить имена первых корейских «возвращенцев», их принадлежность к КПСС, выявить места вселения, проблемы обустройства, участие в общественном производстве и т.д. [5, с. 118, 120, 121 и др.]

Далее хотелось бы остановиться на второй группе вопросов: Н.Ф. Бугай как профессионал высокого класса, отталкиваясь от конкретного историографического аспекта, переходит к размышлению над проблемами более общего теоретико-методологического характера. Одну из них он видит в использовании терминов – правомерности употребления «старых» и введения «новых», поднимая важный вопрос о необходимости критического переосмысления и шлифовки понятийного аппарата с учетом накапливаемых эмпирических и теоретических знаний. Вполне очевидно, что в данной дискуссии уважаемый коллега демонстрирует глубокое знание советской документации и показывает (воспользуемся словами самого Н.Ф. Бугая) высшую степень интегральной компетентности, связанной со знанием всех сторон проводимой социальной, правовой, культурной и территориальной национальной политики, аспектов принудительных миграций, а также реабилитации народов в последующем.

Хотя автор уже ранее поднимал вопрос о понятиях и категориях, имеющих методологическое значение для развития направления, тем не менее острота проблемы не уменьшается, поскольку в последнее время проблематика развивается как междисциплинарная, на чем он корректно акцентировал внимание специалистов. Мы считаем необходимым более подробно остановиться на этом аспекте, обозначив наши позиции в отношении «власти терминов» в историческом исследовании.

В центре внимания автора оказались базовые категории рассматриваемой проблематики – «депортации» и «принудительные миграции». Ссылаясь на точку зрения юристов, Н.Ф. Бугай приходит к выводу, что первый из них, утвердившийся на волне эмоционального подъема 1990-х гг., на самом деле связан исключительно с межгосударственными перемещениями и не может быть применен к этническим общностям, которые не пересекали государственных границ и в отношении которых следует использовать термин «принудительное переселение». На наш взгляд, в этом вопросе есть место для дискуссии.

Позволим себе напомнить уважаемому коллеге его собственное утверждение из недавно изданной интереснейшей монографии, в которой дана оценка общим итогам изучения проблемы репрессий и реабилитации репрессированных народов. Отвечая на аналогичную постановку вопроса исследовательницей Л.П. Белковец, автор говорит: «… Понятие депортация вводилось в научный оборот в давние времена, о чем есть толкование в любом словаре. Я полагаю, что нет никаких причин, чтобы не использовать этот термин применительно к депортации населения в Союзе ССР в 1920–1980-е гг. с учетом существования национальных республик» [7, с. 100].

Мы склонны согласиться с этим, даже без «учета существования республик». Действительно, в энциклопедиях и справочниках легко найти информацию о том, что понятие «депортации» имеет давние исторические корни, войдя в юридический обиход Франции еще в XVIII в. В англоязычной исторической литературе хрестоматийным образцом стала работа Р. Конквеста «Советские депортации народов», изданная в Лондоне и Нью-Йорке в 1960 г. Современные словари определяют депортацию как насильственное переселение лиц и целых народов из мест постоянного проживания *за пределы государства или отдельного региона.* Иными словами, сущностное содержание термина заключается не в том, пересекали люди или не пересекали границы государств, а в принудительности, репрессивности этого действия, то есть в изначальном смысле латинского слова deportatio – изгнание, ссылка.

В какой степени целесообразно в этом плане опираться на позиции юристов? Как историки мы не можем не заметить, что и юридическая терминология не стоит на месте, принимая различные нюансы трактовки в зависимости от исторического контекста и правоприменительной практики тех или иных государств.

Если исходить из современного российского законодательства, то согласно п.1 ст.2 Федерального Закона Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» под депортацией понимается принудительная высылка иностранного гражданина из России в случае утраты или прекращения законных оснований для его дальнейшего пребывания или проживания в РФ (например, окончание срока визы). Таким образом, это действительно акт трансграничного принудительного переселения, однако он относится исключительно к иностранным гражданам и при этом является не единственным его видом, так как существует еще и административное выдворение, которое применяют, если иностранец совершил противоправные действия. Депортация осуществляется

по решению руководителя территориального органа либо директора ФМС России, административное выдворение – по приговору суда [8].

Как видим, данная дефиниция вряд ли подходит для обозначения массовых депортаций сталинского периода даже в тех случаях, когда они пересекали границы государств. Что же касается советского законодательства, то в нем искомого понятия мы и вовсе не найдем. В декретах правительства и уголовном кодексе использовались такие формулировки, как «удаление из столиц, отдельных местностей или пределов Российской Республики», «высылка за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке», «удаление из пределов союзной республики или из пределов отдельной местности с поселением в тех или иных местностях или без такового, с запрещением проживания в тех или иных местностях», «лишение гражданства Союза ССР и изгнание из пределов Союза ССР» и т.п. [9, с. 10, 12, 18.]

Однако эти юридические нормы лишь на малую толику имели отношение к массовым принудительным миграциям сталинского образца, которые, как справедливо отметил С.А. Красильников по поводу «кулацкой ссылки», в основной своей массе не были «прописаны» ни как судебная, ни как внесудебная мера репрессии [10, с. 13, 152], то есть являлись беззаконием. С другой стороны, существует ли правовая норма «принудительные миграции»? Таким образом, далеко не всегда позиции современного юридического языка соответствуют реалиям прошлого. Нельзя не учитывать, что историческая наука обладает некоей степенью самостоятельности в создании своего понятийного аппарата.

Вышеизложенное позволяет нам разделить именно раннюю точку зрения Н.Ф. Бугая и прийти к выводу, что давно вошедшие и утвердившиеся в научном дискурсе понятия «депортации» и «принудительные миграции» правомерно употребляются в синонимичном значении и отражают современное понимание исследуемого феномена.

Тесно связан с этим еще один дискуссионный вопрос – об оправданности новаций в наполнении содержания того или иного термина или, наоборот, оформление ранее заданного источником содержания в современном научном языке. В рамках обсуждаемой темы Н.Ф. Бугай формулирует проблему использования нынешними историками таких характеристик, которые не употреблялись в документах государства изучаемого периода, например, «депортационная политика», «репрессивная политика», «этнические депортации», «депортанты», «толерантность». Автор не поддерживает такую терминологию. Между тем, понятие «принудительные миграции», о котором речь шла выше, также не употреблялось властью, их проводившей. По нашему мнению, отвечая на этот вопрос, следует исходить из того, что терминология, используемая в исследовательском поле «принудительные миграции в СССР», охватывает очень широкий диапазон историко-культурного контекста. А это означает, что события, демонстрирующие отношение власти к принудительным переселенцам, их пребывание в местах нового расселения, формы интеграции при советском и постсоветском политических режимах и моделях национальных политик с учетом внутреннего социально-экономического процесса и геополитической ситуации отражаются источниками, наполненными терминами разных времен. Каждое поколение исследователей оперирует трактовками, соответствующими текущему этапу научного знания.

С этой точки зрения, перечисленные понятия не только имеют право на существование, но и необходимы, поскольку раскрывают сущность явлений с позиции сегодняшнего дня. Независимо от употреблявшихся властью терминов, логики, степени продуманности (или спонтанности) и последовательности кампаний насильственных переселений, мы не можем не признать того факта, что в сталинский период в СССР реально проводилась политика принудительных миграций (синоним – «депортационная политика»), представлявшая собой вполне осознанный комплекс действий государства, решавшего репрессивные, мобилизационные и социодифференцирующие задачи.

Вместе с тем, говоря о термине «этнические депортации», нельзя не поддержать позицию Н.Ф. Бугая и Т.В. Мухортовой, обративших внимание на то, что поводом для такого рода принудительных переселений становилась не собственно принадлежность к тому или иному этносу, а дополнительные критерии социального (мы бы добавили – и политического) характера, которые по своему значению расценивались как опасные для государства тенденции или обстоятельства (1, с. 19). Тем не менее, объективным следствием таких кампаний становилось тотальное или частичное выселение именно по этническому (синоним – «национальному») признаку, что недвусмысленно формулировалось в директивных и оперативных документах, как, например, в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1428-326сс от 21 августа 1937 г. «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края» и др. Стало быть, понятие «этнические депортации» с учетом такого содержательного наполнения вполне уместно. Конечно, при проведении депортационных операций «этническая чистота» не соблюдалась, и в число выселявшихся попадали представители других национальностей. Однако это было

следствием организационной спешки и силового беспредела на местном уровне и не меняло основной цели каждой конкретной операции.

То же самое можно сказать и о выселениях по социальному признаку («кулацкая ссылка» и др.) или политическому (выселение «неблагонадежных» жителей из Приморского края в 1939 г., выселение «социально-опасного элемента» из приграничья Белоруссии и Украины в 1929–1930 гг., и др.). Все эти примеры хорошо известны.

В обсуждаемой проблеме есть и оборотная сторона – насколько правомерно сейчас употребление терминологии документов советской эпохи. И не только в связи с мировоззренческими различиями, но и потому, что мы сталкиваемся с маркированными политическими терминами, являвшимися частью идеологии. Как убедительно показал в своей работе Д.М. Фельдман, один из ведущих специалистов в этой области, целенаправленное использование маркированных терминов-идеологем было и остается средством управления массовым сознанием [11, с. 10].

В советской бюрократической традиции имело место целенаправленное искажение или прикрытие сути обозначаемых явлений от широкого круга населения по идеологическим соображениям. Отсюда её пристрастие к эвфемизмам и лингвистическим уловкам. Они не отличались разнообразием: в случае с принудительными мигрантами чаще всего применялись слова «особый», «специальный», «социально-опасный», «контингент», «элемент» и т.д. в различных сочетаниях. Например, на Дальнем Востоке кроме широко известных «спецпоселенцев», «спецпереселенцев» и «спецконтингентов» были размещены группы, обозначенные на бюрократическом языке «кулаками особого назначения» (по-другому – «особовцами», под которыми понимались лица, выселенные в Сибирь и на Дальний Восток в начале 1930-х гг. из пограничных районов БССР и УССР, будучи причисленными к категории «социально-опасных элементов») и «особым контингентом» (участники атомных строек, отправленные на Колыму во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. в целях сохранения государственной тайны об этом строительстве).

Совершенно ясно, что требуется введение адекватной этим эвфемизмам современных понятий. К сожалению, удобных альтернативных вариантов зачастую подобрать затруднительно, а расшифровка существовавших ранее слишком громоздка для повсеместного употребления. Поэтому официальную терминологию того времени зачастую приходится использовать, как она есть, в лучшем случае – в закавыченном виде и с предварительными пояснениями. Тем не менее, она, безусловно, наполняется новым оценочным содержанием.

Все это не означает, что оправдано упрощенное понимание процессов и «жонглирование» понятиями. Мы, безусловно, поддерживаем Н.Ф. Бугая, критикующего тех авторов, которые сводят национальную политику в СССР к характеристикам «депортационная», «репрессивная», «геноцид». Но не потому, что в документах 1930–1950-х гг. подобная терминология не применялась, а потому, что эта политика оценивается на современном этапе исторического знания как гораздо более сложная и неоднозначная, со своими специфическими этапами развития и разной конфигурацией мотивов и направлений, включавших экономическое и культурное развитие национальных республик, взращивание этнополитической элиты и т.п., а отнюдь не только репрессивную и депортационную составляющую (при этом не скатываясь до геноцида). Литература по данной проблематике чрезвычайно широка и известна, да и большая часть исследований, на которые сослался в своей статье Н.Ф. Бугай, красноречиво подтверждает наш тезис.

Ставя на обсуждение вопрос о «старых» понятиях, в то же время Н.Ф. Бугай совершенно обоснованно напоминает об ответственности ученого за добросовестную аргументацию при введении «новых». К сожалению, последние публикации не всегда это демонстрируют (например, сомнительный термин «геополитические депортации» из работы Л.Н. Дьяченко). Тем не менее, терминологическое поле постоянно расширяется, что закономерно в условиях углубления научного поиска. В целом, на наш взгляд, к настоящему времени в отечественной историографии советских депортаций сложилась адекватная система базовых понятий, включая классификацию изучаемого феномена, данную П.М. Поляном [12, с. 47], которая может быть дополнена (и дополняется) при выделении соответствующего критерия. Так, по территориальному уровню переселений принудительные миграции можно подразделить на межгосударственные и внутригосударственные, последние, в свою очередь, – на межреспубликанские, межрегиональные и внутрирегиональные. Результаты многочисленных исследований показывают, что в различных регионах страны осуществлялись те или иные виды миграций из данного перечня или же их «полный комплект», как, например, на Дальнем Востоке СССР, где на спецпоселении в 1930-е гг. были размещены репрессированные крестьяне из Средневолжского края и Центрально-Черноземной области, Белорусской и Украинской ССР, Татарской АССР, проведено выселение корейцев в Казахстан и Среднюю Азию в 1937 г., китайцев – в Китайскую республику

и внутренние районы Дальнего Востока в 1938 г., немцев – из приграничных районов региона во внутренние в конце 1941 г., и др. [подробнее см.: 13].

В целом, говоря о данных особенностях историографической ситуации по проблеме принудительных миграций и истории этнических общностей, мы можем констатировать, что изучение советской политической терминологии сегодня является одной из актуальных задач российских историков. Более того, можно подчеркнуть, что это направление достаточно перспективно. Во-первых, существует некоторое познавательное удобство для анализа: она утверждалась в условиях государственной монополии на делопроизводство, а также на средства массовой информации, что не только многократно усиливало ее эффект тогда, но сегодня дает возможность историку определить эмоциональное отношение составителя документа к описываемым событиям. Как образно заметил уже цитируемый Д.М. Фельдман, «…"помехи" извне были практически устранены. Оппоненты, обладавшие соизмеримыми возможностями трансформационного воздействия, как правило, отсутствовали» [11, с. 13].

Таким образом, поднятые Н.Ф. Бугаем проблемы стимулируют развитие нового аспекта исследования – поиск ответа на вопрос, как советские идеологи определяли «пространство терминологии», а также изучение самой техники применения авторами понятий и определений. На наш взгляд, в этом плане будет полезна модель исследования идеологем Д.М. Фельдмана, который использует синтез нескольких методов – «семантического подхода к истории» Р. Кебнера, «истории понятий» Р. Козеллека («археология понятий») и модифицированную методику Г. Фреге. Проанализированные Д.М. Фельдманом социально-культурный контекст термина «реабилитация» и эволюция его применения, по нашему мнению, во многом объясняет и феномен широкого применения термина «депортация» в современных работах. Возможно, кому-то ближе методика, используемая И. Земцовым в книге «Советский политический язык», который считает: «Семантика этого языка отражает не социальную реальность, а идейное мифотворчество; она выявляет не объективные общественные процессы и явления, а коммунистическое мировоззрение в его наложении на действительность» [14].

Как бы там ни было, статью Н.Ф. Бугая в этом плане, несомненно, можно рассматривать как исследовательскую инициативу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бугай Н.Ф.* 150 лет добровольному переселению корейцев в России: трансформации этнической общности (историография проблемы) // Историческая и образовательная мысль. – Краснодар, 2014. №1. – С. 16–27.
2. *Дьяченко Л.Н.* Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации): автореф. дис.… д-ра ист. наук. – Бишкек, 2013.
3. *Ким Сын Хва*. Очерки по истории советских корейцев. – Алма-Ата: Наука, 1965.
4. *Chang J., Park J.* Soviet Koreans: Redemption through labour and sport // The Eurasia studies society journal. 2013. April. Vol.2. No.3. – P. 2–21.
5. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. – Владивосток, ДВО РАН, 2002.
6. *Сон Ж.Г.* Российские корейцы: всесилие власти и бесправие этнической общности. 1920–1930. – М.: Гриф и К, 2013.
7. *Бугай Н.Ф.* Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX – начало XXI вв.). – М.: Гриф и К, 2012.
8. Депортация или выдворение: есть ли разница? 15.01.2013 // Сайт «Единая миграционная служба». URL: http://www.grrf.ru/smi-o-nas/publikatsii/213-deportacziya-ili-vydvorenie-est-li-raznicza.html (дата обращения: 22.04.2014)
9. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М.: Республика: Верховный Совет Рос. Федерации, 1993.
10. *Красильников С.А.* Серп и Молох: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. – М.: РОССПЭН, 2003.
11. *Фельдман Д.М.* Терминология власти: Советские политические термины в историко-культурном контексте. – М.: РГГУ, 2006.
12. *Полян П.М.* Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. – М.: ОГИ – Мемориал, 2001.
13. *Чернолуцкая Е.Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. – Владивосток: Дальнаука, 2011.
14. Из предисловия к книге И. Земцова «Советский политический язык». URL: http://www.belousenko.com/wr_Zemtsov.htm (обращение: 20.04.2014).

REFERENCES

1. Bugay N.F. 150 let dobrovolnomu pereseleniyu koreytsev v Rossii: transformatsii etnicheskoy obshchnosti (istoriografiya problemy) // Historical and social-educational idea. - Krasnodar, 2014. №1. - S. 16-27.
2. Dyachenko L.N. Deportirovannye narody na territorii Kyrgyzstana (problemy adaptatsii i reabilitatsii): avtoref. dis.… d-ra ist. nauk. - Bishkek, 2013.
3. Kim Syn KHva. Ocherki po istorii sovetskikh koreytsev. - Alma-Ata: Nauka, 1965.

4. Chang J., Park J. Soviet Koreans: Redemption through labour and sport // The Eurasia studies society journal. 2013. April. Vol.2. No.3. - P. 2-21.
5. Etnomigratsionnye protsessy v Primore v KHKH veke. - Vladivostok, DVO RAN, 2002.
6. Son ZH.G. Rossiyskie koreytsy: vsesilie vlasti i bespravie etnicheskoy obshchnosti. 1920-1930. - M.: Grif i K, 2013.
7. Bugay N.F. Problemy repressiy i reabilitatsii grazhdan: istoriya i istoriografiya (KHKH - nachalo XXI vv.). - M.: Grif i K, 2012.
8. Deportatsiya ili vydvorenie: est li raznitsa? 15.01.2013 // Sayt "Edinaya migratsionnaya sluzhba". URL: http://www.grrf.ru/smi-o-nas/publikatsii/213-deportacziya-ili-vydvorenie-est-li-raznicza.html (data obrashcheniya: 22.04.2014)
9. Sbornik zakonodatelnykh i normativnykh aktov o repressiyakh i reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy. - M.: Respublika: Verkhovnyy Sovet Ros. Federatsii, 1993.
10. Krasilnikov S.A. Serp i Molokh: Krestyanskaya ssylka v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody. - M.: ROSSPEN, 2003.
11. Feldman D.M. Terminologiya vlasti: Sovetskie politicheskie terminy v istoriko-kulturnom kontekste. - M.: RGGU, 2006.
12. Polyan P.M. Ne po svoey vole… Istoriya i geografiya prinuditelnykh migratsiy v SSSR. - M.: OGI - Memorial, 2001.
13. CHernolutskaya E.N. Prinuditelnye migratsii na sovetskom Dalnem Vostoke v 1920-1950-e gg. - Vladivostok: Dalnauka, 2011.
14. Iz predisloviya k knige I. Zemtsova "Sovetskiy politicheskiy yazyk". URL: http://www.belousenko.com/wr_Zemtsov.htm (obrashchenie: 20.04.2014).